

разумеется, и не могли означать изменений принципиального внешнеполитического курса Российской империи. Сохранялась и одна из центральных задач национального значения: обеспечение свободного прохода для русского флота через Черноморские проливы. Эта «вековая» тема присутствовала во всех международных контактах России на всех уровнях (от царя до предпринимателя), хотя решение проблемы продвигалось правительством и дипломатией крайне осторожно и сдержанно, не создавая рисков возникновения конфликта, напряженности или нанесения ущерба двусторонним отношениям, прежде всего с Турцией. Работая над своей основной задачей создания балканского союза под эгидой России, посол Н.В.Чарыков пытался привлечь к участию в нем и Турцию. Он решил использовать в 1911 году ситуацию, возникшую в связи с войной Италии против турок, и попытался добиться открытия Черноморских проливов для русского военного флота. В октябре 1911 года посол начал по указанию из Санкт-Петербурга переговоры с турками по проливам.

Убедившись, что союзники России не поддерживают ее в этом вопросе, турецкое правительство отвергло русский проект соглашения. В декабре российский посол получил указание прекратить переговоры о проливах. 10 декабря 1911 года С.Д.Сазонов дезавуировал посла Н.В.Чарыкова, заявив, что речь шла не более чем о его личной инициативе и что Россия не имела и не имеет намерений вести официальные переговоры с Турцией о проливах.

П.А.Столыпин постоянно напоминал о дипломатической осторожности, недопустимости шагов, чреватых втягиванием в международные конфликты и дестабилизацией процесса реформирования страны. «Не дай Бог, чтобы какое-нибудь Марокко или мелиссоры [албанские повстанцы-христиане] втянули нас в войну», - писал П.А.Столыпин в ходе Агадирского кризиса 1911 года послу А.П.Извольскому. Попытки французов и немцев, конфликтующих из-за Марокко, втянуть в вооруженный конфликт Россию, благодаря непреклонной позиции П.А.Столыпина окончились безрезультатно¹⁴. Мирный исход марокканского конфликта, очередного повода для возникновения европейской войны, был обеспечен именно «миротворческой» линией П.А.Столыпина и А.П.Извольского. Было очевидно, что в случае франко-германской войны союзные обязательства Санкт-Петербурга перед Парижем автоматически вступали в силу и от их выполнения уклониться было невозможно¹⁵.